

Юрий Филиппов

НАСМЕШКИ
ЛЮБВИ

Юрий Константинович Филиппов

Насмешка любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916117

Аннотация

Автор ничего не придумывает, он описывает ту реальность, которая окружает каждого из нас. Его взгляд по-журналистски пристален, но это прозаические произведения. Есть характеры, есть судьбы, есть явления. Сквозная тема настоящего сборника рассказов – поиск смысла человеческого существования в современном мире, беспокойство и тревога за происходящее в душе.

НАСМЕШКИ

ЛЮБВИ

Рассказы

ИСПОВЕДЬ АФЕРИСТА

В тесном «дальнике», что у параши, то ли полусидел, то ли полулежал, прислонившись спиной к стене, длинный худой, в общем-то, костлявый, человек. Лицом – горбоносый, узкоскулый, со светло-серыми – словно выцветшими глазами, густыми чёрными бровями довольно редкой шевелюрой, из-под которой просматривалась загорелая лысина.

За высокий рост и поджарость его ещё в детстве прозвали Гончим псом, что, мягко говоря, не очень нравилось ему. Потому всякий раз при оклике: «Гопс!» – такую метаморфозу кличка эта претерпела со временем, и, по мнению дворового авторитета и соседа – великовозрастного бездельника и прожектёра Жоры, она могла означать только одно – гопник, – он лез в драку, не щадя ни себя, ни недруга – только бы одержать верх. В постоянных стычках со сверстниками он сделал довольно немудрёный вывод, что люди – волки и им нужен вожак, а вожаком должен стать он, отчего и подминал под себя или пытался подмять всё и вся. На большее ума у него не хватало.

И вот теперь, в первые же часы своего пребывания в разношёрстном, и, как оказалось на поверку, крутом воровском

обществе, в которое он попал впервые, и впервые вынужден тесно с ним общаться, его только лишь при попытке, по привычке, продемонстрировать своё исключительное право на превосходство, тут же «опустили». «Опустили» прямо возле параша, у которой он теперь и лежал. И не подали руки, что положено делать при общении с «дамой», чтобы довести до места, которое узнику или узнице отведено в соответствии с камерным табелем о рангах – сам же он от боли не мог даже пошевелиться.

– Ну, Шнырь, – сказал, обращаясь к нему, один из авторитетов, очевидно, как и он сам, из образованных, – ты у нас не первая статс-дама, так что в следующий раз, когда провинишься, сам позаботься о вазелине.

И этим было сказано всё.

В тусклом свете зарешёченной электрической лампочки мягко вырисовывалось его новое, и, по-видимому, теперь уже пожизненное жильё – в двух уровнях койки вдоль стен, как в армии – во времена его молодости, в проходе – стол, низенькое, словно бойница, оконце, под потолком, в которое всего несколько минут назад заглянула ярко-оранжевая полная луна. Он смотрел на неё и видел в её отражённом свете весь этот сброд бритоголовых, мирно посапывающий во сне – сброд, который он и уважал – за силу, и презирал за то, что он его, одного из великих волков российских каменных джунглей, так и не понял. Но не ненавидел, поскольку был здесь, в общем-то, среди своих братьев по крови – в сво-

ей компании. И то, что случилось с ним сегодня, как и то, что произошло перед тем, как он оказался в этом каменном мешке, казалось ему чистой случайностью, которую, однако, следовало хорошенько обмозговать, чтобы сделать соответствующие выводы.

«Ничто не вечно под луной, – подумал он, чтобы как-нибудь себя приободрить. – Даст бог – всё переменится».

Луна передвинулась из одного угла оконца в другой и, зацепившись за раму, уже готовилась покинуть его разливованное в жирную клетку пространство. В камере стало темнеть, да так стремительно, так угнетающе, будто другого мира и не существовало. И это рождало в нём страх: «Неужто так будет всегда, Господи?»

Имя Всевышнего с его языка сорвалось случайно. Ни в бога, ни в чёрта он не верил. Некогда было – за делами насущными. Он сам себе был, да и другим – тоже, и законодатель, и прокурор, и судья, и земное божество. Но тут вдруг при воспоминании о Всевышнем всё в нём переменялось. Так кто же покровительствовал ему все эти годы?! Бог или Сатана. И кому всё же он служил, сам того не ведая? Что направляло его, став во плоти его, единственной всепоглощающей страстью?.. Любовь?.. Богатство?.. Слава?.. Власть?.. Или же деньги, как средство достижения намеченной цели? А может, тщеславие? Или же он попросту, как гончий пёс, шёл к намеченной цели, руководствуясь одним лишь верхним чутьём?.. Но как ни старался он прийти к определённо-

му выводу, так и не смог. В итоге – там, где должна была обозначиться какая-то конкретная или абстрактная величина, или субстанция, зияла лишь пугающая пустота. И потому то ли по наитию, то ли следуя древнему народному поверью: «Бог не выдаст – свинья не съест», решил всё же обратиться к Всевышнему, который и справедлив, и всемилостив, сожалея лишь о том, что нет третьей – альтернативной персоны двум вышеозначенным в божественной иерархии.

«Господи! Прости меня грешного. Не по своей вине я нагрешил в этом – твоём мире. По заблуждению. Да и такая ли это смертная вина моя, чтобы бросать меня в темницу на погибель и при этом насиловать? Ведь сам же Ты говорил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем порядочному человеку – в Царство Небесное. Да и как мне туда войти, ежели миром правишь не ты, а соблазны? И кто без греха? Взять хотя бы твоих апостолов. Предали ведь, отреклись, не пошли с тобой на эшафот... Так и я, еще мальцом, по сути дела – несмышлёнышем, не удержался вот от такого маленького, – он пошевелил пальцем, – с мизинец, но выгодного дельца. А дальше, сам понимаешь, пошло-поехало».

Он явно лукавил, потому как уверен был, что там наверху, в Небесной канцелярии, не может быть всё в идеальном порядке: что-нибудь да затеряется, кто-нибудь да напутает, а то и поленится проверить или перепроверить факты и фактики да и, вообще, какое до него ничтожного – одного из шести миллиардов рабов божьих, населяющих землю, дело у столь

почтенной персоны! Люди ведь созданы по образу Божьему. Значит, и у Него, – думал он, – могут быть какие-нибудь там грешки да страстишки небесные. Но мы-то об этом не знаем. Вот Он и напускает на нас страху. От своей бесконтрольности и куражится. Для порядка общего...

«Но исповедоваться всё же надо. Что я – нехристь какой-то там?!»

В отношении «мальца» он явно загнул. И не такой уж он был «несмышлёныш» в свои двадцать два года, когда его призвали в армию.

В первые дни после прохождения курса молодого бойца служить его направили в полковую школу. Но, вопреки ожиданиям, не стали готовить в сержанты, а назначили каптенармусом – на ефрейторскую должность, что поначалу, естественно, уязвляло бывшего Гончего пса, с пренебрежением взиравшего с высоты почти двухметрового роста на «недомерков» – сослуживцев своих, имевших собственное мнение, которое не соответствовало его, Гопса, взглядам на жизнь. Однако вскоре, осознав преимущества своего положения, он добавил к укоренившемуся пренебрежению к окружающим внешнюю снисходительность: в караул, на построения и строевые смотры, на утренние и вечерние поверки он не ходил. На всякого рода работы – тоже, в том числе и неуставные, то бишь – принудительные и, как правило, изнурительные. Одет был всегда во всё новенькое, как говорят – с иголочки, даже сапоги носил не кирзовые, а хромовые,

и, благодаря своему подчёркнутому и предупредительному отношению к офицерам школы, одним из первых получил знак «Отличник Советской Армии». А затем, укоренившись в авторитете у власть имущих, как незаменимый, стал брать мзду – за утерянный поясной ремень или подсумок, за замену прожжённой гимнастерки, за новенькую шинель на время отпуска, за утраченный боекомплект и ещё многое за что. Во время очередного увольнения в город он завёл сберегательную книжку на предъявителя, так что к концу своего блистательного трёхлетнего служения Отечеству вместе с сержантскими погонами и благодарственным письмом на родину он имел на карманные расходы ещё и солидную денежную сумму.

Это был бесценный опыт, который в дальнейшем на гражданке он дополнял и совершенствовал от одного места работы к другому, от должности к должности, шагая, как ему казалось, по ступеням лестницы, ведущей вверх – так вот во второй раз и превратился в «Гопса» – Гоп-стопа, или уличного обдиралу.

Когда же в полковой школе спохватились, подсчитав потери, а вместе с ними и убытки, то, поразмыслив о последствиях, решили что поезд, образно говоря, давно уже ушёл, и возбуждать уголовное дело было бы неразумно. На том и покончили – не без помощи вышестоящих, тех, кому так же угождали и льстили скромные каптенармусы.

«Я же не виноват, Господи, что люди так преступно бес-

печны и так порочны. Это всё враки – дескать, мы братья. У каждого – свой выводок. И каждый в первую очередь должен заботиться о нём и о себе тоже. И не играет роли, пуста ли та территория, на которую позарился, или нет. Ведь твой Адам с Евой да и Авель с Каином заселяли незанятые места, не правда ли? Так что же Ты хочешь от меня? Мне только и остается, что, расталкивая локтями толпу, отвоевывать для себя хоть какое-то жизненное пространство. Ты же не казнишь волка за то, что он, забравшись на ферму к крестьянину, зарежет пару баранов, чтобы накормить своих голодных щенков. И потом это не я, а Ты, Господи, установил принцип естественного отбора. А ведь у меня тоже дети, жена, и мать с тещей, и отец с тестем. Да и сам я – малоимущий...»

Врал он самозабвенно, втайне надеясь, что враньё – это не только преимущество, но и действие, подвластное исключительно ведомству Сатаны, если он есть, понятно, а тому только и дай повод подставить подножку или напакостить Всевышнему – своему единокровному братцу, и надеялся, что Тот, который выходит из пламени, не оставит на произвол судьбы того, кто положил на его жертвенник свою судьбу.

Тесть его вместе с тещей, как только упал и разбился оземь железный занавес, моментально «слиняли» на Запад – в Америку и имели там весьма доходный бизнес, который наш «малоимущий» и надеялся со временем присвоить. Отец же его – кавалер двух орденов Славы, боевой истребитель танков, вышедший в запас в звании полковника, и мать

– тоже кавалер, но только ордена Отечественной войны – бывший военврач, давно уже жили вдалеке от сына и, имея усадьбу и солидный пенсион, были обласканы властью и, в общем-то, не испытывали особых материальных трудностей. Так что ни в какой особой заботе, кроме сыновьего внимания, они не нуждались.

Мягкое пятнышко света, которое ещё недавно теплилось в окне, погасло. Серенький прямоугольник сразу же превратился в чёрный, как у Малевича – не осталось даже следа от решётки. От стен, пола и потолка медленно и неотступно расплзлась повсюду промозглая сырость. На возрождённой недавно колокольне городского православного собора несколько раз пробил колокол. Немного погодя, через глазок массивной двери камеры внутрь неё заглянул надзиратель и, увидев краем глаза на полу у парашаи распластанное тело новенького заключённого, ухмыльнулся. Такая картинка для него была не в новинку.

– Что за люди?! – воскликнул в сердцах человек, лежащий у парашаи.

На ближайших койках, которые по-прежнему, как в стародавние времена, назывались здесь почему-то нарами, зашевелились.

«Что за люди, Господи?! – повторил он про себя, думая о своём. – Ну как можно назвать людьми тех, кто не заботится о сохранности своего имущества. Да люди ли они, а не призраки – в телесном облике? Только то и делают, что про-

воцируют на неуютный Тебе поступок. И ведь добиваются своего, чёрт бы их побрал. Неужели Ты, Великий Сеятель, Господи, не умеешь отличить семена от плевел?!»

Перед его мысленным взором стали возникать образы тех, кого, как он привык говорить, «проучил», а не «наказал», потому что наказание – дело Божье. Целая вереница образов, многие из которых публично называли его жуликом, но он предпочитал иное слово, как ему казалось, более благородное – нечто производное от слова афёра. Более того, благодаря природной изворотливости и потрясающей жизненной силе, ему удавалось не только уйти от наказания, но и извлечь выгоду. Он хорошо понимал, что в одиночку большого дела не сделаешь – всегда нужен тот, кто прикроет того, кто рискует. И потому там, где хоть в какой-то степени от кого-то зависело правосудие и правовой порядок, у него был «свои люди». Расчёт с ними производился по принципу: фифти-фифти, благодаря чему совершенно безукоризненно срабатывало то, что называется не иначе как «рука руку моет». Вот так он приобретал репутацию непотопляемого – понятно, у тех, кто знал или подозревал о его ещё и фискальных пристрастиях.

Так было, когда пользуясь полным доверием своего шефа он как коммерческий директор открыл в банке депозитный счёт на своё имя и, положив на него довольно приличную сумму из взятого предприятием крупного кредита, обвинил своего друга в мошенничестве и разбазаривании средств. На

суде, действуя по принципу: «ты друг мне, брат, но... выгода дороже», он утопил доверчивого директора и в итоге подковерной борьбы занял его место. Так было, когда в начале перестройки он спустил с молотка имущество фирмы, прикрываясь производственной необходимостью, и благополучно в перестроечной неразберихе утопил её. Подобным макаром он заполучил и партийную кассу райкома, в котором состоял на учёте, и путч списал его долги – не потому, что у прокуратуры других забот было навалом, просто вмешиваться в тёмное дело опальной общественной организации никто даже за приличные комиссионные не решился.

Словно монстр крушил он человеческие судьбы на своём пути, не испытывая при этом абсолютно никаких угрызений совести.

Так было, когда, пользуясь своими связями, он оттяпывал, якобы, за долги престижную пятикомнатную квартиру в самом центре города у дальней родственницы своего приятеля – престарелой телезвезды, у которой жил во время учёбы в институте – там же в институте он и стал стукачом у компетентных органов, и потому ему многое прощалось. Оттяпывал, хорошо понимая, что выкидывает на улицу обездоленных – её и её правнуков, потерявших в авиакатастрофе своих кормильцев – тех, кто когда-то делил с ним хлеб да соль, и что эта квартира – единственное, что у них осталось. Понимал, но не испытывал при этом никаких угрызений совести – дескать: «Это их проблемы».

Не испытывал он их и тогда, когда скупал за бесценок земельные участки у загнанных в угол перестройкой людей, или просто отбирал их. В общем, не брезговал ничем и не жалел при этом ни женщин, ни стариков, ни детей, и даже сородников – лишь бы иметь свой гешефт.

Такие дела проворачивал!!! – с гордостью подумал он. А попался на пустяке, на трюке, который проделывал десятки раз. Обидно. Да ещё на целых пятнадцать лет залетел. Он и сегодня был уверен, что тот, кто его сюда посадил, отсюда его и вытащит. Вопрос лишь, когда?

Только разве тут выживешь...

А может он, просто, надоел, или стал опасен?

Нет, только не это!..

«Господи, помоги. Ты слышишь меня, Господи?! Вразуми моих поделльников!»

И впервые за долгие, долгие годы скупая мужская слеза покатилась по его щеке. Ему искренне было жаль себя: «Не выдержу... Нет, не выдержу, но... если выйду отсюда – разорву, обещаю, пушу с сумой по миру»...

«Господи! Помоги, Господи!»

Я понимаю, что жил не по Твоим заповедям. Но как же иначе? Слабые и ленивые пустобрёхи разве обустроят землю Твою. И разве для них та благодать, которую сотворил Ты. Только такие, как я, в состоянии оценить красоту истинную. Иначе не отбирал бы всё лучшее. И хотел я, чтобы семья моя, после меня, в силе осталась. Не для себя же старался...

А теперь только одна надежда на внученьку мою, Сашеньку. Ты побереги её, Господи. На неё только одну и надежда, чтобы род наш, Гнилозуб-Щипачёвых крепчал, разрастаясь. И никому чтоб, кроме Тебя, не кланялся. Да чтобы помнили, благодарили и прославляли деда, прадеда своего, меня – Виктора Афанасьевича.

Славная она у меня, внученька, Господи. Умненькая, ласковая и нежная – настоящая графинюшка. Только вот сумеет ли распорядиться с умом, без помощи моей тем, что я нажил трудом непосильным своим. Вразуми её и мать её, Господи...

И отпусти меня, Отче! Ну, пожалуйста, отпусти!

Уйду в скит, в монастырь. Построю храм Божий. Не пожалею миллионов. И назову в Твою честь. Самый лучший храм в мире построю. Только отпусти! Господи!!!

Не отпустишь – отрекись от Тебя, уйду к Сатане – Люциферу или как там Его величают, Везеельвульффу. Тьфу ты, чёрт, не выговоришь. Или наконец к Аллаху, к Буде, к Шиве, к любому браману уйду, который подобен Богу. К любому верховному жрецу любой внеземной цивилизации.

Ну, отпусти же меня, Господи! Отпусти!»

Мир его поблёк, потускнел, сузился до размеров мрачной камеры – размером шесть на четыре метра. И только лишь одно радовало его в эти минуты – то, что в том другом мире, где ярко и приветливо светит солнце и поют по ночам соловьи, из которого его так безжалостно выдернули, он обеспе-

чил надолго и по-царски свою детвору – отчего на душе становилось и теплей, и отраднее. Лицо его осветилось лёгкой улыбкой. Сожалел лишь только о том, что управлять всем тем богатством, что осталось за пределами камеры, теперь долго придётся не ему. А там, глядишь, кривая и вывезет. И всё забудется. И он снова станет уважаемым человеком.

С тем и задремал.

Ему снилось, что бредёт он по раскалённой солнцем пустыне уже третьи сутки, без воды и пищи. И когда, окончательно обессилив, хочет уже лечь на песок и дожидаться своей смерти, вдруг видит, как перед ним на спуске раскрывается прямоугольный вход под бархан, из которого веет живой прохладой. А за входом – огромное круглое помещение с идеально отполированными глиняными стенами, полом и потолком, и без единой колонны, и неизвестно откуда струящимся лёгким, будто бы призрачным светом, и многочисленными дверьми по сторонам. Немного поразмыслив, он открывает одну из дверей и оказывается в небольшой камерке, такой же глиняной и так же безукоризненно отполированной, но пустой, с единственным ярко сияющим и наглухо задраенным иллюминатором, за которым ни движения, ни света – тьма. Он было повернулся, чтобы выйти, но дорогу ему преградили двое мужчин в непривычной для земного глаза униформе. И молчаливо чего-то ждали, время от времени терпеливо поглядывая через плечо в центр зала. А там – тоже двое – в строгих костюмах, но только мужчина

и женщина, разговаривали с маленькой девочкой, о чём-то умолявшей их и даже со слезами опустившейся на колени. Он узнал её, свою Сашеньку. Но почему-то не мог не только сдвинуться с места и пошевелиться, но даже крикнуть, чтобы обратить на себя внимание. А Сашенька, его Сашенька, так и не добившись, по-видимому, своего, повернулась к нему спиной и пошла, как-то необычно ссутулившись, к выходу, поднимаясь всё выше и выше туда, откуда он только что пришёл.

В мягком свете ночника в тёплой и уютной постельке мирно спала десятилетняя девочка, а рядом, на прикроватном столике, лежал тетрадный листок в клеточку со старательно выведенными детским почерком буквами.

«Милый дедушка!

После несчастья, которое свалилось на тебя, к нам из Нью-Йорка прилетела бабушка, чтобы забрать нас с мамой в Америку. Так и не добившись, ни за какие коврижки, свидания с тобой, чтобы подписать какие-то там документы, она умерла от разрыва сердца – или инфаркта, как сказали врачи. Два дня назад мы похоронили её. Мама всё время плачет. Говорит, что от стыда глаза девать ей некуда, и что она бы покончила с собой, если бы не я. И что будь её воля, бросила бы всё и уехала бы, куда глаза глядят, хоть к чёрту на кулички. Только бы от стыда подальше. В сва-

лившемся на нас несчастье мама винит только тебя одного, говорит, что нашего деда жадность подвела. Да разве ты жадный? Почти каждый день и мне, и маме что-нибудь гламурненькое дарил.

А ещё мальчишки во дворе на меня бранятся, говорят, что я воровка и крысиное отродье, девчонки сторонятся, словно я в чём-то перед ними виновата. Не верю я в то, что о тебе соседи болтают. Ведь ты не мог сделать этого? Правда?

А недавно приходили какие-то два дяди. Кричали на маму и требовали у неё денег и ещё вернуть что-то. А что, я не поняла. Иначе, говорили, нам какие-то там кранты будут.

Что делать, дедушка? И как жить нам с мамой дальше? Ждём в гости того дедушку, что в Америке. Только бы поскорей приезжал, да не умер, как бабушка.

Ну, вот и все новости.

Целую.

Любящая тебя твоя внучка Сашенька».

Письмо это не дошло до адресата. Сокамерники нашли его утром уже мертвым.

Нашли там, где и оставили вечером. Так что передавать Сашенькино послание оказалось некому.

Лицо его было обезображено гримасой, в которой виделся прежде всего крысиный оскал перед тем, как ей, этой серой бестии, атаковать.

Кто в тот смертный миг стоял перед ним – посланцы Бо-

га, или же Сатаны – теперь уже не имеет значения. Главное, что жизнь его на земле этой была завершена. И завершена так, как ей того и следовало – и по закону и по совести, и по справедливости: в тёмной сырой камере – возле параши.

И Бог с ней – с этой его исповедью.

СЛЕПОЙ В ЖЕНСКОЙ БАНЕ, или ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

В женский помывочный день в баню попросился слепой. Это был ладно скроенный парень, годков около тридцати, в стоптанных кирзовых сапогах, в старенькой запылённой гимнастёрке с двумя орденскими планками на груди и котомкой за плечами, в гражданских брюках – с опалённым лицом и неподвижным, безжизненным, взглядом. В те послевоенные годы подобного вида калеки были не вновь, а этот, обращая на себя внимание, как-то сразу вызывал сострадание.

Раньше здесь его никто не видел. И никто не видел, как он появился на этом таёжном полустанке, население которого едва насчитывало четыре десятка дворов: старики да бабы, и вдовицы. Все в основном – путевые рабочие, лихо вколачивающие костыли в пропитанные креозотом шпалы да двигающие при рихтовке пути многотонные стальные рельсовые плети не хуже любого гожего для такой работы дюжего мужика. И ещё проживала здесь немногочисленная всякого там иного рода железнодорожная обслуга – из числа неспособ-

ных к тяжёлому путейскому труду пенсионеров. В общем, это притулившееся к стальной магистрали селеньице трудно было назвать полустанком. Скорее всего – разъездом, где останавливался всего пару раз в неделю, и то по выходным да праздничным дням, пассажирский поезд местного значения – прототип нынешних электричек, составленный из двух допотопных плацкартных вагонов; и ещё – дымные товарняки, пропускавшие вперёд скорые – цельнометаллические пассажирские составы, которые тащили за собой отживающие свой век шумные паровые торопыги, да – суетливо проскакивавшая туда-сюда в так называемые технологические окна грузовая мотодрезина.

Так что абсолютно непонятно было, как сюда он попал, в эту такую глухомань, и откуда взялся, этот горемыка, и к тому же ещё, видимо, один – без семьи и близких ему людей, где и здоровому-то человеку в одиночку выжить непросто?

И почему, собственно, не в мужской, урочный, помывочный день он пришёл в баню?

На все эти вопросы вряд ли у кого из местных были ответы, разве что на последний из них: ну пришёл и пришёл – что тут гадать.

И был он, этот горемыка, такой уж больно жалкий да занехаенный, что сердобольная банщица Василиса призадумалась, сразу не сообразив, что ответить ему по существу, кроме как: мол... дескать, куда тебе там. Там ведь женщины!

– Ну и что? – ответил ей слепой. – Что меня стыдиться,

я ведь ничего не вижу. Пристроишь где-нибудь в уголочке, а я срам свой полотенцем прикрою. Мне и простирнуть кое-что надо. Я быстро. Я сам всё умею – не затрудню и не обеспокою.

– А ты, чей-то будешь? – смекнула наконец Василиса задать вполне естественный в этой ситуации вопрос.

– Мои погибли – в сорок первом, в Подмосковье, – ответил горемыка. – А здесь – родня по матери: Сорокины. Знаешь?! Не могу же я к ним невымытым явиться.

– Эх! Милый! Сорокиных твоих уж год, поди, как нет. Война закончилась, они и снялись – уехали, не знаю куда. Сказывали, в хлебные края. А пятистенок их стоит, да никто в нём не живёт.

Повисшая пауза, видимо, и решила дело.

– Ладно, пойду с бабами поговорю. Быть может, и согласятся. – Сказала Василиса и заковыляла внутрь пакгауза, в котором и была оборудована сама баня.

Войдя в моечный зал, сплошь обитый осиновой вагонкой, Василиса на минутку присела на табурет, стоявший у двери, собираясь с духом и не зная как сообщить подругам о просьбе незваного гостя.

В зале, что называется, стоял дым, а точнее – пар, коромыслом. Тайнство действия было в самом разгаре. Именно то таинство, которого не видел во всех подробностях во веки веков ни один мужчина. И оно, это самое таинство, судя по всему, должно было затянуться надолго.

Это ж какая женщина, откажет себе в уболажении своего собственного тела!? Здесь каждый дюйм его – каждый пальчик, каждый ноготок, не говоря уже об интимных деталях, достойны особого поклонения и заботы.

А тут их, румяных да пышнотелых бабёнок, добрый десяток!

Молодые и не очень, но все – как говорится, кровь с молоком – здоровые, сочные до невозможности и, как будто бы на подбор, ладно скроенные девицы. А на лёгком пару, тем более – глаз не отведёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.